

Ион Константин Кицимья

АДАМ МИЦКЕВИЧ, Н. БАЛЧЕСКУ И «ВОСПЕВАНИЕ РУМЫНИИ»*

Никто из видных румынских деятелей периода 1848 года не был так близок к Адаму Мицкевичу (1798—1855) и не следил так внимательно за его политической и патриотической деятельностью, как Н. Балческу (1819—1852). Впрочем, Н. Балческу так же, как и Адам Мицкевич поэтически живо и с необыкновенной силой поставил вопросы, касающиеся жизни народа и его надежд на социальное и политическое освобождение. Этим, собственно говоря, и объясняется близость между молодым Балческу и более взрослым Мицкевичем, т.е. тождеством их чувств и демократических взглядов.

Адам Мицкевич обладал исключительным даром слова. Влияние Мицкевича особенно чувствовалось в демократических кругах Парижа, где находились революционеры из разных стран и куда Мицкевич прибыл в июне 1831 года.

Как мы уже указали в статье *Adam Mickiewicz et l'écrivain roumain G. Asaki*¹, у революционеров того времени пользовались успехом не столько литературные романтические произведения поэта, сколько его произведения революционного характера, многократно переводившиеся и пользующиеся широким спросом.

Так, *Konrad Wallenrod* и в особенности *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* имели большой отклик, главным образом, среди народов.²

Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego (Книги народа польского и полигримства польского), появившиеся на польском языке в 1832³ и особо

* Сообщение представленное на научной сессии Университета «К. И. Пархон» 22 апреля 1958 г.

¹ Опубликованной в сборнике «*Romanoslavica*», I, напечатанном в честь конгресса славистов в Москве 1958 г., Бухарест, 1958, стр. 124—135.

² *Ibidem*, стр. 134 и след.

³ Sł. Pięć, *Ktore jest pierwsze wydanie «Książ pielgrzymstwa» Adama Mickiewicza*, в «*Pamiętnik literacki*», 1913, стр. 314—318: первое издание появилось в начале декабря 1832 г., а второе — в конце декабря 1832.

нас интересующие, впервые были переведены на французский язык в 1833 г.: *Livres des pèlerins polonais* de Charles de Montalembert; перевод был сопровожден *Hymne à la Pologne* Ф. Ламенне⁴. В том же году появился новый перевод⁵. Оба немедленно были опубликованы разными издательствами. Произведение распространилось с молниеносной, быстротой покорив умы и вызвав симпатию к страданиям польского народа, а вместе с тем и к страданиям других народов. Накануне опубликования (6 мая 1833) Ламенне, поставленный в известность, вероятно, Монталамбером, восторженно писал: *Il va paraître incessamment un petit volume par Mickiewicz, sans contredit le premier poète de notre époque. Il y a là des choses ravissantes... Une si pure expression de la liberté tout ensemble est une merveille en notre siècle de servitude et d'incroyance.* Монталамбер сам предпослал переводу хвалебное предисловие, заострив внимание на вдохновенной исторической поэме *Konrad Wallenrod*, драматической поэме *Dziady* и *Księgi narodu polskiego*, которые считает значительным произведением, *par la foi impérissable au triomphe de la cause du droit et de la liberté.*

16 мая 1833 года Монталамбер послал Ламенне свой перевод *Księg*, а 22 июня 1833 г. посетил его вместе с Мицкевичем в Chênaie⁶.

Глубоко взволнованный книгой Мицкевича, Ламенне (1782—1854) написал в том же 1833 г. *Paroles d'un croyant*, опубликованные в Париже в 1834 году.

В том же году это произведение было переведено на немецкий язык⁷. Книга имела огромный успех. Были распроданы сотни тысяч экземпляров, и издатель Renduel отправился в Тулузу и Сен-Этьен, чтобы добиться запрета подпольных изданий⁸. Идеи Мицкевича, его книги получили широкое распространение. Связь между произведением Мицкевича и Ламенне была давно известна. В последнее время Yves le Hir в комментариях к последнему и самому лучшему изданию доказывает это на основе автографа Ламенне⁹.

Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego были переведены затем на хорватский, сербский (1835) и венгерский (1839) языки, потом на румынский язык, сначала в отрывках (1843)¹⁰; впоследствии (около 1844) целиком

⁴ Adam Mickiewicz, *Livre des pèlerins polonais*, переведенная Charles de Montalembert, Париж, издатель E. Renduel, 1833, LXXV—176 стр. Издание II, 1834.

⁵ Adam Mickiewicz, *Livre de la nation polonaise*, перевод Леметра, Париж, издатель Брун, 1833, 124 стр., издание II, того же года: 1833.

⁶ Yves le Hir, *Les paroles d'un croyant de Lamennais*, Париж, 1949, стр. 2.

⁷ Abbé de Lamennais, *Worte des Glaubens* перевод Ludvig Börne, Париж, 1834, 182 стр.

⁸ Yves le Hir цитир. работа, стр. V.

⁹ *Ibidem*, стр. 104, 110, 141, 181, 215 и т.д.

¹⁰ Была переведена Иосифом Ману V-ая часть и опубликована в «Foaie pentru minte, inimă și literatură», VI (1834), стр. 117—119.

под заглавием: *Cărțile norodului leșăsc de la începutul lumii pînă la muncirea lui*, и на многие другие языки (английский, ирландский, итальянский, немецкий, чешский и т.д.). Это произведение Мицкевича имеет больше всего переводов¹¹. Полный румынский перевод остался в рукописи¹².

Также и произведение Ламенне имело отзвук в румынских княжествах, будучи переведено и опубликовано в 1848 г. под названием: *Слова верующего*¹³, отрывки из которого появились в журналах. Популяризация творчества Мицкевича произошла, таким образом, непосредственно и косвенно, его идеи витали над всей Европой того времени, возбуждая революционные умы особенно в период революции 1848 года.

Авторитет и влияние Мицкевича возрастают в 1840—1844 годы во время чтения им курса славянских литератур в Collège de France, где его друзьями были Жюль Мишле (1798—1874) и Эдгар Кинэ (1803—1875), где его слушала молодежь со всех уголков Европы. Лекции Мицкевича зажигают слушателей: курсы его разбираются нарасхват и печатаются на французском и немецком языках¹⁴. Сам Кинэ писал Мицкевичу в 1844: «не могу расстаться с Вашими курсами». В Collège de France и румынская молодежь слушала Мицкевича и писала на родину о взглядах и творениях польского поэта. Не удивительно поэтому, что позже Кинэ мог написать Д. Братияну в январе 1847 года: «сколько раз наполнялись наши глаза слезами . . . , когда мы слышали Ваш голос и Мицкевича, рассказывавшего нам о мученичестве Польши».

В Европе вспыхивает революция 1848 г. В феврале выступают французы и завоевывают некоторые свободы. Затем пламя революции начинает распространяться по Германии, Италии, Венгрии, Валахии и Молдавии, Хорватии, Чехии и Польше. В Париже Мишле и Кинэ получают право возобновить лекции в Collège de France, чтение которых было запрещено им и Мицкевичу.

5 марта 1848 года в большом зале Сорбонны произошло торжественное открытие курсов. Отсутствовал их друг Мицкевич, которому не разрешили возобновить курс. Оба его друга распорядились принести и поставить около них пустой стул; они воздали почести польскому поэту. Мицкевич

¹¹ По мнению St. Pigonia A. Мицкевич *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego*, Краков, 1924, р. 43.

¹² Библиотека Акад. РНР ms. rom. no. 147, f. 1—125. Известная польским исследователям рукопись Wł. Mickiewicz, *Żyć i Adama Mickiewicza*, t. IV (Poznań, 1895), стр. 67; St. Wędkiewicz, *Mickiewicz w literaturze rumuńskiej*, «Czas» (Краков) от 13 января 1921.

¹³ A. F. de Lamennais, *Cuvintele unui credincios*, переведена с французского румынским переводчиком, имя которого неизвестно, Бухарест, 1848, 108 стр. Перевод сделан Дионисие Романо (по мнению I. Breazu, *Lamennais la romîni din Transilvania*, в «Studii literare» 1948, стр. 190 и след.).

¹⁴ Adam Mickiewicz, *Dzieła*, Варшава, т. XV, стр. 595.

из Рима писал им 11 марта того же года с грустью: *Citoyens, les français jouissent déjà de la plénitude de leur liberté politique. Vos frères polonais sur la terre de France sont encore esclaves*¹⁵.

Адам Мицкевич пытается сформировать польский легион в Италии, затем возвращается в Париж в июле 1848 года. В следующем году, когда контрреволюционеры пытаются сдержать революционную волну в Европе, Мицкевич начинает издавать в Париже газету *La Tribune des Peuples*, вокруг которой собирает редакторов и сотрудников из разных стран: французов (17), поляков (5), итальянцев (3), румын (3), немцев (1), испанцев (1), хорват (1), бельгийцев (1), и чилийцев (1)¹⁶. Революционная борьба продолжалась средствами публицистики, дипломатических и политических действий, объединенных сил борцов поработенных стран.

Вдохновленный пример *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* со всем ее комплексом идей, политическая атмосфера создали условия для возникновения «*Cîntarea Romîniei*» (Воспевания Румынии), приписываемого одним из наших исследователей Н. Балческу, а другими Ал. Руссо (1817—1859). Вопрос, однако, остается открытым, доказательством чего являются новые исследования, в которых делаются попытки его разрешить¹⁷. По нашему мнению, подлежит рассмотрению прежде всего то, кому из этих выдающихся румынских писателей была более близкой политическая атмосфера, о которой мы говорили, на кого сильнее воздействовала вдохновленная речь Мицкевича, в результате чего он мог создать произведение, отвечающее его «стилю».

В ходе исследования данного вопроса нам не удалось установить какой бы то ни было связи между Ал. Руссо и Адамом Мицкевичем.

Действительно, говорилось о влиянии Мицкевича на Руссо на основе сходства *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* с «Воспеванием Румынии»¹⁸. Фактической же связи с Мицкевичем и его творениями не удалось установить. Именно это обстоятельство отрицает авторство Руссо относительно «Воспевания Румынии». Руссо принял участие в революции 1848 года, но его деятельность не может сравниться с деятельностью Н. Балческу. Ал. Руссо присоединился «простодушно» и романтически к волнениям молодежи, к своим друзьям. Захваченный событиями, он поступал как порыв-

¹⁵ *Ibidem*, Т. XVI, стр. 181—182.

¹⁶ *Ibidem*, т. XII, стр. 342—343.

¹⁷ См. G. C. Nicolescu, *Paternitatea «Cîntării Romîniei»*, в «*Limbă și literatură*», I (1953), стр. 231—252. Emil Boldan, во введении к Al. Russo, *Scrieri alese*, Бухарест, 1956, стр. 11, примечание I. Al. Dima, *Alecu Russo*, Бухарест, 1957, стр. 193—211. G. C. Nicolescu «*O ciudată nebăgare de seamă*», в «*Tribuna*», II, (1958) no. 3 (18 января), стр. 6.

¹⁸ G. Bogdan-Duică, *Alexandru Russo*, в «*Convorbiri literare*» 35 (1901), стр. 631—670. Мнение автора разделялось и другими исследователями.

вистый и разочарованный романтик, не имеющий определенных целей. К тюрьмам он отнесся сначала насмешливо, бравируя как романический герой (что видно из его заметок). Но когда шутка не удавалась, его охватывало лирическое, грустное настроение) см. *Sauvègea* (Совежа) и *Cugetări scrise în închisoarea de la Cluj*. (Размышления, написанные в Клужской тюрьме). Руссо путешествовал по стране или за границей один или в обществе друзей. Он посетил Банат, Блаж, Деж, Вену и др. В 1849 году он прибыл в Париж и находился здесь, вероятно до 1850 года¹⁹. Из его дела и документов мало узнаем о его деятельности. Он не пытается связаться с Мицкевичем или с революционерами других стран. Ему нравится одиночество. Идеологически и политически в большей мере он находился под влиянием других и особенно Н. Балческу, с которым он был в самых хороших приятельских отношениях с 1846 г., когда встретился с ним в имении Костаки Негри, Мынжина в Молдавии.

Наоборот, Н. Балческу является самой яркой фигурой румынского революционного движения 1848 года, обладающим политическим ясно-видением, талантом человека науки и литературы. В 26 лет Балческу уже зарекомендовал себя как человек науки. В жизни румын он сыграл такую же вдохновенную роль, какую Мицкевич сыграл в жизни поляков после 1830 года. В 1846 году Балческу отправляется в Париж и осуществляет одно из важнейших мероприятий — вступает в контакт с польской эмиграцией и с ее руководителем Адамом Чарторыйским (1770—1861), знакомится с Паулем Батайяром, с которым впоследствии будет поддерживать связь. В польской библиотеке он изучает документы польской истории²⁰, задумав написать *Istoria Romînilor sub Mihai-Vodă Viteazul* (Историю Румын во время Михаила Храброго). Путешествует по Италии, посещая Рим, Геную, Неаполь, Палермо, где проводит долгое время. Здесь он пишет несколько глав указанного выше труда, читает произведения великих романтиков (Байрона, Шиллера) и французских философов и историков. В 1848 г. он снова появляется в Париже и принимает активное участие в февральской революции. По возвращении на родину Балческу становится в центре внимания польской эмиграции, которая была в связи с ним из Парижа и Константинополя²¹. Балческу принимает активное участие в революции, посещает Константинополь, Белград, снова Константинополь (в марте 1849 года), Венгрию, опять Париж²², где пытается объединить румынские революцион-

¹⁹ A. I. Dima, *Alecu Russo*, Бухарест, 1957, стр. 109.

²⁰ Библиотека Академии РНР, рукопись № 80.

²¹ P. P. Pănailescu, *Emigrația polonă și revoluția română de la 1848*, Бухарест, 1929, стр. 56 и след. См. и M. Handelsman, *Adam Czartoryski*, т. II, (Варшава, 1944), стр. 299 и след.

²² Ion Ghica, *Amintiri din pribegie*, издание Olimpia Boitoș, Крайова, т. I, стр. 43, 165; т. II, стр. 33 и след., стр. 153 и след.

ные силы, действовавшие порознь под различными политическими программами.

Непреклонная воля к борьбе, литературная и научная деятельность, любовь к отечеству. Неудивительно поэтому, что Н. Балческу чувствовал себя близким Мицкевичу, читал его произведения и интересовался его творчеством, обсуждал в переписке с П. Батайяром некоторые положения из лекций Мицкевича в *Collège de France*, отрывки из его произведений²³.

Впрочем, Балческу не мог не знать и не ценить Мицкевича, в то время когда последнему уже давно симпатизировали в Париже революционные круги и румынская молодежь писала ему²⁴, К. А. Россети в 1866 г. наслаждался его произведениями²⁵, а Ион Войнеску встречается в это время (1846) с Мицкевичем, читает и комментирует его сочинения²⁶, пользующиеся спросом в Мунтении и запрещенные цензурой в Молдавии²⁷.

Знакомство Н. Балческу с Адамом Мицкевичем привело к сотрудничеству в газете *La Tribune des Peuples*, начавшей выходить в Париже 15 марта 1849 г. Ее главным редактором был великий польский поэт. Балческу входит в состав редакционной коллегии, вместе с Д. Братияну и Ст. Голеску²⁸. Хотя состав сотрудников *La Tribune des Peuples* не был единым с идеологической точки зрения, все же в ней появились статьи, мечущие гром и молнии. Мицкевич возглавлял группу революционного направления, которой противостояла группа умеренной буржуазии. 13 июня 1849 была организована совместно с редакцией мелко-буржуазная манифестация, к которой присоединилась группа рабочих. Газета была закрыта, а Мицкевич ушел в подполье до 7 июля. Возобновленная 1 сентября, *La Tribune des Peuples* продолжала выходить до 10 ноября, когда была закрыта окончательно вследствие вмешательства царского посольства. Французское правительство пригрозило иностранным сотрудникам изгнать их из страны, если они не оставят газеты, Мицкевич же вместе с польскими редакторами были принуждены покинуть редакцию еще раньше,—15 октября. «Самый выдающийся среди наших сотрудников», отмечает последний номер *La Tribune*, «был принужден сломать свое перо по приказу царя Николая, посланному через французскую полицию».

²³ Согласно N. Bălcescu, *Opere. Scrisori și scrieri inedite*, G. Zane, т. II, часть I, Бухарест, 1946, стр. 75, N. G. Smochină, *Les émigrés roumains à Paris*, Париж, 1933, стр. 7—8.

²⁴ St. Wędkiewicz, *Cîteva cuvinte privitoare la unele probleme din domeniul istoriei legăturilor... între Poloni și Romîni*, Бухарест, стр. 20, прим. 61.

²⁵ C. A. Rosetti, *Jurnalul pe anul 1846*, в библиотеке Академии РНР, рукопись № 4638, стр. 15—59.

²⁶ N. P. Smochină, *цитир. работа*, стр. 17.

²⁷ St. Wędkiewicz, *Mickiewicz w literaturze rumuński*, стр. 2.

²⁸ Adam Mauersberger, в своих комментариях, Adam Mickiewicz, *Dzieła*, т. XII, стр. 343, пишет «С. Гылческу», что является очевидным упущением.

Н. Балческу находился в Париже и переживал этот период демократической борьбы и столкновений с реакционными властями, которые «попрятельски» подавляли какое бы то ни было революционное движение. Балческу, как и Мицкевич, любил борьбу слова и обоснованных мнений научного характера и воодушевляющего темпа. Во время революции 1848 г. на родине, он вел газету *Poporul Suveran* и собирался издавать газету *Naționalul*. В Будапеште основал периодический журнал *Democrația*, вышедший в двух номерах (первый 18 июня 1849 г.)²⁹.

В Париже после закрытия газеты *La Tribune* некоторые из бывших редакторов пытались возобновить ее, и Балческу снова был приглашен в качестве сотрудника³⁰. Он также приглашается сотрудничать и в журнале *La Pologne*, который пытается выйти за круг чисто славянских интересов в сторону интересов всех поработанных народов³¹.

В следующем году, т.е. 20 сентября 1850 г. Н. Балческу стал издавать в Париже журнал *România viitoare*, вышедший только в одном номере. В комитет редакции входили: К. Балческу, брат Н. Балческу, Д. Братияну, Ст. Голеску, Н. Голеску, Ион Войнеску и др. Журнал имел целью воодушевить и объединить эмигрантов для более эффективной борьбы. С этой точки зрения воззвание Н. Балческу, напечатанное как передовица в журнале, становится более понятной³². Здесь в *România viitoare*, Н. Балческу публикует *Mersul revoluției în istoria Românilor*, (*Ход революции в истории Румын*)³³, здесь же публикует и *Воспевание Румынии*³⁴ с предисловием, датированным 8 августа 1850 г. для более сильного воздействия на читателей, он прибегает к приему романтиков, извещая, что нашел его в одном монастыре; все попытки открыть автора не увенчались успехом. Балческу скрывается, но само предисловие выдает его. Никто другой не мог так четко изложить цель и содержание работы, как сам автор. Отталкиваясь от идеи Мицкевича, выраженной «библейски» в *Księgi narodu*, но с реальной уверенностью, что страдания польского народа не являются смертью, а пробуждением и воскресением наставляя на новую жизнь и другие народы Европы³⁵, Н. Балческу указывает, что румынский народ уже исполнил эту «святую и славную миссию, порученную Румынам . . . для блага человечества, и которую они никогда не предали». Потому что «всякий раз как только большая опасность угрожала Европе и мировой цивилизации, Румыния,

²⁹ I. Ghica, *цитир. труд*, т. II, стр. 59. См. и G. Cîmpianu, *Tribuna*, 12 мая 1957, стр. 3.

³⁰ I. Ghica, *цитир. труд*, т. II, стр. 177.

³¹ *Ibidem*, стр. 178.

³² «*România viitoare*», 1850, № 1, стр. 3—5: прокламация названа *Poporul român*.

³³ «*România viitoare*», стр. 7—16.

³⁴ «*România viitoare*», стр. 19—41.

³⁵ Adam Mickiewicz, *Księgi narodu polskiego*, издание St. Pigonia, стр. 81.

часовой, обреченный на жертву, была на своем посту . . . Первая перед лицом врага, она и первой жертвой была . . . ». Во времена Балческу страна была унижена и борцы ее не могли порадоваться, вонзив меч в неприятеля, как « делали наши родители ». Но, « из дошедшего до крайнего предела зла возникает добро » (по Мицкевичу). « Знаем, что ничего в мире, — продолжает Балческу, — не рождается без мук и, вместе с автором этого *Воспевания*, что спасение находится в нас и что мы будем спасены, если будем бдительны, настойчивы и готовы пожертвовать собою, если закалим руки и сердце и будем стоять все за одного и один за всех »³⁶. Значит, *Воспевание Румынии* является иллюстрацией к воззванию, опубликованному Н. Балческу в качестве передовицы в *Будущей Румынии*, для смыкания рядов, для рассеивания мелких раздоров в общей борьбе за возрождение страны, « потрясенной и поверженной в прах ».

Также в предисловии Балческу невольно отождествляет себя с автором *Воспевания Румынии*, когда приписывает последнему знание событий 1830 года потрясших Францию в июле, а потом в ноябре Польшу « нашу сестру по несчастью » оказавшую влияние на революционный дух Италии, Германии и других народов. Ясно виден « историк » Балческу и его симпатия к польскому народу, с представителями которого в эмиграции он находился в тесной связи. Можно сказать что *Воспевание Румынии* было в сердце и в уме Балческу, а не только на бумаге. В предисловии он приводит с легкостью цитаты из разных стихов: « На твоих равнинах враги шатры свои растянули (стих 39), тут же продолжая цитаты из 53 стиха « Чаша беззаконий переполнилась . . . Буря спасения началась! » Стих 53 является до некоторой степени криптографическим, неясно о какой буре идет речь. Но Балческу знает, что он хотел сказать в произведении и сам объясняет в предисловии; « видел однажды (то есть в 1848 г.), что сверкающее солнце свободы поднималось . . . и оживляло землю; и опять тотчас же потемнело (падение революции) и . . . вьюга выбросила нас далеко за пределы нашей родины под шатер изгнания . . . И с тех пор, уже два года, мы блуждаем по миру с истомленной по далекой родине душой, по горячо любимому краю. Несмотря на все эти страдания, мы сохранили в нашем сердце живую веру и любовь в свободе . . . » *Восхваление Румынии* есть песня Балческу о страданиях румынского народа и о страданиях его самого, тоска по родине и стремление к « потерянной свободе ». Балческу воспекает Румынию со страстью изгнанника, как Мицкевич — Польшу, тоскующий по родине в *Pan Tadeusz* и скорбящий в *Księgi narodu polskiego*. Предисловие и текст *Воспевания* вышли из под одного и того же пера и взаимно дополняются.

Но поэма не является простым носталгическим и элегическим воспеванием. На фоне красот природы, автор восхваляет на каждом шагу героизм прощ-

³⁶ N. Bălcescu, *Cîntarea Romîniei*, в A. I. Russo, *Scrieri*, издание P. V. H a n e ș. Крайова, стр. 33—35.

лого, когда обнаженные груди пронизывались мечами и сталью, войны повергались « в прах, и кровь размывала землю », жертвы приносились огромные, но свобода была сохранена. Наоборот, он бичует низость современников, уход их от борьбы, ничтожные политические комбинации, общественные беззакония « Кровь сынов твоих испортилась и сердце их загнило, смешалось с подлецами и с хитрецами, и сами они стали хитрецами и подлецами... »³⁷ Корабль остался « без руля, разбиваемый бурей, и негодные гребцы... ведут его от несчастья к несчастью... и от беззакония к беззаконию... Трава сохнет там, где они ступают »³⁸.

« Кровь родителей в узких венах правнуков засохла... »³⁹ « до чего бы дошло теперь наше отечество, если бы и они бездействовали? »⁴⁰ Люди умирали и во время Балческу, но умирали бесславно: « Подлость и смерть встречаются и ныне... но где освобождение и победа? » Поэтому возвращаясь к мысли о жертве, пробуждающей людей и народы к новой жизни, автор *Воспевания Румынии* призывает к возобновлению борьбы за справедливость и свободу: « Пробудись, моя родина! подави твою боль... Пора выйти из оцепенения... укрепись, гляди и внимай!... День справедливости приближается... все народы пришли в движение... ибо буря спасения началась... »⁴¹ Произведение воодушевляет читателя.

Следовательно, *Воспевание Румынии* не было задумано как произведение чисто литературное, но как произведение с политическими тенденциями, однако написанное с гениальным художественным мастерством так же, как и другие его произведения, — без особого намерения проявить себя литератором. *Воспевание Румынии* родилось из его личной скорби и из скорби румынского народа, как создались *Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego* из скорби Мицкевича и из скорби польского народа. В нем слышатся звуки *Слов верующего* Ламенне, которого Балческу цитирует в *Mișcarea Românilor în Ardeal la 1848* (*Движение Румын в Ардяле в 1848 году*) в связи с упоминанием о доблести трансильванцев, и в то же время нельзя установить, что он был известен Алеку Руссо.

Воспевание Румынии было опубликовано и в 1855 году в журнале *România literară*, издаваемом в Яссах В. Александри, с некоторыми изменениями и добавлениями, нанесшими ему значительный ущерб⁴². Балческу умер в 1852 году. Текст появился в шести номерах (№38, 39, 40, 42, 45, 47) без какого-то

³⁷ N. Bălcescu, *цитир. труд*, стих 43.

³⁸ *Ibidem*, стих 44.

³⁹ *Ibidem*, стих 56.

⁴⁰ *Ibidem*, стих 57.

⁴¹ *Ibidem*, стих 51, 53, 58, 60, 61.

⁴² Преимущество редакции Балческу признано исследователями, см. N. Tăciulescu-Albu, *Cintarea României*, Черновицы, 1927, стр. 25 и след.; Emil Boldan, *цитир. труд*, стр. 14 в замечании и т.п.

бы ни было указания, заметки или подписи. Только фрагмент, опубликованный в № 42 был подписан инициалами А. Р., а в оглавлении имя появилось полностью. «А. Руссо». Имея в виду, что Балческу опубликовал труд как произведение анонимного монаха, после его смерти, И. Войнеску и Д. Братияну немедленно объявили его автором⁴³. («Вечная слава автору *Воспевания Румынии*», заключал Д. Братияну). Безусловно было необходимо разъяснение во вступительной статье со стороны редакции или же самого Ал. Руссо. Допуская что автором произведения был Руссо, а уточнения со стороны И. Войнеску и Д. Братияну не последовали из-за уважения к памяти умершего, считаем, что теперь наступил для этого самый подходящий момент. Балческу не заявлял, что произведение принадлежит ему, и поэтому установление подлинного авторства необходимо. Но все же разъяснение не было дано. Одна только «нерешительная»⁴⁴ подпись Руссо в *România literară* не изменила уверенности, и Балческу продолжал считаться автором поэмы⁴⁵.

Только в 1863 г., после смерти Руссо, В. Александри начал выдвигать и поддерживать авторство Руссо в письмах и статьях. Остается загадкой, почему Александри не сделал этого при жизни Руссо, ведь сообщаемые им факты не являются новыми. Разве его не убедил Руссо, что он является автором поэмы? Александри заявляет, что поэма была написана Руссо на французском языке, а затем переведена на румынский язык Балческу. «У меня имеется его оригинальная рукопись», говорит Александри в письме от 1863 года к Ал. Одобеску. А затем дальше просит содействия в признании авторства *Воспевания Румынии* за Руссо. Александри ходатайствовал за Руссо не менее восьми раз⁴⁶. Великая и очевидная истина провозглашается однажды. Опубликование рукописи на французском языке само собой объяснило бы вопрос и не было необходимости в стольких ходатайствах. Но рукопись затерялась (!) и мы не знаем, что случилось с ней. Очень показательно, что Александри в процессе ходатайства дополняет сведения, но не замечает, что они противоречивы. Если в 1876 году он утверждает, что произведение создано в Париже в результате соглашения между Балческу, Руссо и им «с целью возбудить умы и развить сознание тамошних румынских студентов»⁴⁷, то в 1886 году заявляет, что Руссо написал его по-французски сразу после возвращения в Швейцарию, когда он еще не умел писать по-румынски. Александри хочет доказать приоритет французской версии, и выдавая румынские версии в качестве перевода. Но, в первом случае, поэма могла быть написана в

⁴³ См. G. C. Nicolescu «*Paternitatea Cîntării Romîniei*», стр. 231. Al. Dima, *цитир. труд*, стр. 194.

⁴⁴ Известно, что другие произведения в «*România literară*» Руссо подписывал полным именем (*Cugetări, Amintiri* и т.п.).

⁴⁵ См. историю авторства и его обсуждения у G. C. Nicolescu, *цитир. труд*, стр. 231 и след.; Al. Dima, *цитир. труд*, стр. 194 и след.

⁴⁶ Согласно Al. Dima, *цитир. труд*, стр. 196.

⁴⁷ V. Alexandri, в «*Convorbiri literare*», 1876, стр. 142.

1849—1850 году, а, во-втором, — наоборот, после 1836 г., когда Руссо возвращается на родину⁴⁸. В какой из этих двух периодов могла создаться французская версия, мы не знаем. Возможно, что и Александри не знал этого хорошо. И все же некоторые исследователи считают что те, кто ставят под сомнение утверждения Александри, совершают кощунства. Этот аргумент возмутителен. Собственно говоря, своим категорическим заявлением, эти исследователи порочат память современников Балческу, которые утверждали, что он является автором *Воспевания Румынии*. Один из них Ион Гика уточняет в 1886 году, что он слушал в 1846 г. Балческу, читавшего отрывки из поэмы в доме генерала Мавру. Возможно, что тогда Балческу представил первую редакцию, усовершенствованную позже в Париже.

Александри поставил вопрос, но не разрешил его. В 1900 году Р. В. Ханеш вновь поднял этот вопрос и ему удалось при помощи целого ряда аргументов доказать, что автором поэмы является Руссо⁴⁹, хотя одновременно делались попытки восстановить авторство Балческу, особенно со стороны Н. И. Апостолеску⁵⁰. В газетном фельетоне от 1921 года польский ученый-романист Станислав Ведкевич, принимая во внимание близость Балческу к польской эмиграции, к идеологии и деятельности ее, также считает Балческу автором *Воспевания Румынии*⁵¹. Тóже недавно Г. К. Николеску подверг доводы Ханеша обстоятельной критике, которая поколебала их серьезно⁵². С другой стороны, Николеску подверг анализу язык и идейное содержание *Воспевания Румынии*, открыв их снова в произведениях Балческу и не найдя их у Руссо⁵³. Считаем, что вклад сделан основательный несмотря на то, что в некоторых странах могут возникнуть споры. Его работа, однако не смогла убедить. Правда и противоположные доказательства, появившиеся позже (Эм. Болдан, Ал. Дима), не были обоснованными, и поэтому нет надобности анализировать их здесь (исследователи возвращаются главным образом к точке зрения Александри).

Имея ввиду соображения, приведенные мною раньше, и те, которые последуют, считаем, что оригинал поэмы мог быть написан только на румынском языке и что произведение принадлежит Балческу. В Париже был издан перевод поэмы на французском языке, с целью познакомить с ней и иностранцев и произвести на них впечатление подобно тому, какое произвело произведение

⁴⁸ См. и G. C. Nicolescu, *цитир. труд*, стр. 238.

⁴⁹ P. V. Haneş, *Cîntarea Romîniei*, Бухарест, 1900; тот же, *Alexandru Russo. O pagină uitată din literatura romînă*, Бухарест, 1901.

⁵⁰ N. I. Apostolescu, *L'influence des romantiques français sur la poésie roumaine*, Paris, 1909, стр. 170 и послед.; тот же, в вольной статье к N. Bălcescu, *Cîntarea Romîniei*, Бухарест, 1914, стр. 5 и след.

⁵¹ Stanisław Wędkiewicz, в «Czas» от 13 января 1921.

⁵² G. C. Nicolescu, *цитир. труд*, стр. 234 и послед.

⁵³ *Ibidem*, стр. 239 и послед.

Мицкевича *Księgi narodu polskiego*. Возросла бы симпатия к румынскому народу. Вероятно, перевод на французский язык был поручен А. Руссо, как знающему язык в совершенстве (вследствие того, что он провел юность и получил образование в Швейцарии). Французский перевод мог приобрести некоторые прибавления, неизбежные в подобных обстоятельствах, с которыми Балческу согласился. Позже Н. Балческу опубликовал в Париже в точности свой румынский оригинал с предисловием, составляющим единое целое с текстом (1850), а Руссо в 1855 году переиздал текст с *Будущей Румынии* (1850 г.), переведя из французской версии прибавления и введя изменения в оригинал согласно своему «стилю». Поэтому-то Руссо не осмелился подписать работу. Возможно, что Александри знал об обработке французской версии и принял ее за оригинал.

По нашему мнению, редакция Балческу безукоризненна и не содержит никаких признаков перевода. Напротив, редакция Руссо имеет их. Усматриваем эту особенность, например, в выражениях: «Где же твои войны, более многочисленные, чем небесные звезды» (стих 37), вместо «более многочисленные, чем песчинки морей» (Балческу 33). Французская версия требовала изменения выражения в оригинале. То же и в отношении восклицания «о, родина моя!» заменено: «румынская земля!»⁵⁴ (румынский край, *terre roumaine, terre de Roumanie*), так как французская версия должна была ясно указать иностранным читателям название страны, воспеваемой в поэме. Имеются и другие подобные доводы. Однако, интересует, кроме того, характер письма вообще, до установления «стиля Балческу» и «стиля Руссо». Каждый из великих писателей обладает определенной тональностью, ему присущей и не похожей на тональность другого, какие бы сходства в темах и словаре не существовали между ними. Дело идет о колорите и стиле произведения, а не о грамматическом анализе фразы. Стиль Балческу героический, имеется ли в виду *Воспевание Румынии, История Румын ввремя Михаила Храброго* или же *Ход революции в истории Румын. Воспевание Румынии* является героическим маршем борьбы и победы. Лирические и риторические ноты создают новую оркестровку, индивидуальную.

Наоборот, стиль Руссо — пасторальный как в редакции *Воспевания Румынии*, так и в остальных произведениях. Постоянно, невольно он смягчает тона, удлиняет фразу и во многих случаях нарушает первоначальную оркестровку. Наблюдается склонность превратить первоначальный стиль в длинный и скучный перечень. Если бы Руссо не сохранил в большинстве случаев редакцию Балческу, то вышло бы нечто иное. Однако мы не можем настаивать здесь на этом. Укажем, что уже в первых стихах находим доказательство. «Бог наших предков сжалился ли над тобой из-за твоих слез, моя страна?» — у Балческу, получая редакцию у Руссо: «Бог наших предков

⁵⁴ А. Руссо, стих 28, 55, 62 и т.д.

сжалился ли над тобой из-за твоих слез, неутешный народ, сжалился ли над болью в твоей груди, моя страна?» Добавления являются неприятно прозаическими. Пятый стих с «полями Тенской» и со «стадами как цветы», является чисто пасторальным, мелодраматическим в сравнении с тем же стихом Балческу, сохраняющим строгие тона в воспевании богатств страны. И конец стиха является красноречивым: «О, страна моя, богатая, почему ты стонешь?» представляясь финалом тяжелых инструментов. Наоборот, — Руссо финал заканчивается как бы пикколо-флейты: «Почему стонешь и плачешь, страна богатая?...» Также Руссо заменяет сравнение народа с «диким быком» через «бык неподъяремный» (Руссо 13), что уменьшает эффект образа (Балческу же подразумевает «зубр», но в целях соблюдения рифмы дает «дикий бык»). Точно также «бедняк разбивает цепь, которая его сжимает..» что превращается у Руссо в «бедняк рвет веревку, которая его связывает...» (стих 20). Слово «цепь» более выразительно, чем слово «веревка».

Впрочем, Руссо выступает как пасторальный лирик и в других произведениях, напр.: в *Воспоминаниях*, в описании села и его старых обычаев (выдуманных частью автором на основе народной поэзии), с обрисовкой портрета молодой девушки Маруки, угасшей в цветущем возрасте. Удивительно, что некоторые из исследователей нашли сходство между *Воспоминаниями* и *Воспеванием Румынии* считая это аргументом для авторства Руссо. Сходства существуют только лишь как стремление их реализовать. Следует отметить, что Балческу серьезно повлиял на Руссо, на то, что он написал после знакомства с *Воспеванием Румынии*. Все же Руссо не пошел дальше этого стремления и тематики. Художественное воплощение является совершенно иным. Ничего не имеет общего картина села из *Воспоминаний* с картиной села (как определение родины) из *Воспевания Румынии*:

«Отечество... отцовская хижина с большим деревом у порога двери... собака, играющая с нами, звон колокола... извещающий нас о прекрасных днях праздника, рев скота, возвращающегося с пастбищ в сумерки... аист на стрехе и т.п.» (Балческу 26). Взамси, грушевое дерево в середине села в *Воспоминаниях* Руссо, приводимое некоторыми последователями, как доказательство сходства, является искусственно-пасторальным воспоминанием, взятым из баллады *Дончила*; остальные заметки о нежности и о красках весны носят характер мягких, легких и слащавых тонов: «Из многих приятных воспоминаний молодости и детства, два запечатлелись в моем сердце, зеленые и живые, растущие из года в год, как побеги деревьев. Весна мне их приносит, когда появляется листва, когда начинают резвиться бабочки, когда раскрываются бутоны роз, когда солнце еще ласкает, но не жжет, когда с кустарников осыпается пахучий снежок». Это специфическая тональность песен Руссо. За ними скрывается кто-то другой. Алеку Руссо большой писатель, и наш анализ не преследует другой цели, как только отделить

то, что принадлежит ему, от того, что принадлежит Балческу, как искусство и текст.

Однако имеются доказательства в плюс, что Руссо следовал тексту Балческу. В некоторых местах он не понял его и сделал соответствующие изменения. В 14-ом стихе Балческу говорит о жизни народа после колонизации Дакии римлянами, когда, по его мнению, свобода снова восторжествовала в стране. Ее он сравнивает с деревом, которое проникает корнями все глубже в землю. Используя славянское слово *sad* «растение», «дерево» (ст. сл. *sadŭ*)⁵⁵, редко употребляемое, он пишет: «... свобода господствует как и раньше, но не та младенческая свобода, хрупкий цветок пустыни, а мужественная и яркая свобода, *мощное* дерево *sad* с сильным и глубоко-проникшим в землю корнем...» Алеку Руссо не понял слова славянского происхождения или прочел ошибочно *sau* вместо *sad*):

«... вольность господствует, как и раньше, но не та младенческая вольность, хрупкий цветок пустыни, но мужественная и яркая свобода, *или мощная*, с сильным и глубоко проникшим в землю корнем...» Образ Балческу ставит лицом к лицу, в антитезе, старую свободу, хрупкий цветок, и новую свободу *sad* (дерево) мощное, с корнями, глубоко вросшими в землю. У Руссо этот образ затерялся, сохранился только цветок, а «*sadŭ*» (дерево) исчез, автор закопал свободу, чтобы у нее непосредственно росли корни. И это является образом, но ясно, что он явился результатом искажения текста Балческу.

В 37-м стихе, Балческу великолепно обрисовывает гибель врагов, кости и трупы которых, разбросанные по полям страны, клевали вороны: «... туча воронья, каркая, *villura* *кружились* *вихрем* и вертелась по всем направлениям, а затем сразу набрасывалась на кости...» И на этот раз Руссо прочитал ошибочно текст. Из глагольной редкой формы *кружиться вихрем* у него вышли *vulturi* *орлы*), которых он напускает неестественным образом на падаль, забывая ворон в воздухе: «... туча воронья кружилась вверху вихрем, каркая, а большие *орлы* вертелись в воздухе, а затем сразу набрасывались на побелевшие кости...». И это искажение текста доказывает зависимость редакции Руссо от редакции Балческу, являющейся оригинальным текстом. Имеются еще и другие доказательства, но мы остановимся здесь. Если будет необходимо, вернемся к ним.

Таким образом, мы не можем основываться на французском оригинале *Воспевания Румынии*, а лишь только на румынском, созданном Н. Балческу. Произведение Балческу могло быть переведено Руссо на французский язык, затем переиздано в первоначальной редакции с некоторыми изменениями. *Воспевание Румынии* непосредственно отвечает стилю Балческу, его поэтиче-

⁵⁵ См. Fr. Miklosiċ; *Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum*, Viena, 1862—1865. стр. 818.

скому и политическому размаху, его подготовке как историка. Кто-нибудь другой не был бы в состоянии написать ее, потому что никто из современников не переживал подобно ему всего того, что касалось его родины и румынского народа. «Скажу тебе правду, писал он в июне 1849 года, и от всего сердца, тебе Гика, как моему хорошему другу, хочу умереть и поэтому пойду драться». Ему не были свойственны расчеты и бережное отношение к самому себе. Он не хотел быть только ученым или литератором, а и слугой своего народа. Можно указать единственный случай в подобных условиях изгнания: Мицкевич. Тогда нет ничего удивительного, что в книге этого поэта *Księgi narodu polskiego*, Балческу нашел идею для *Воспевания Румынии*. Однако художественная реализация была другой. Великие творцы не подражают один другому, но вдохновляют один другого в новых творениях. Мицкевич развертывает в своей книге церемонию соборования в библейском стиле, сопровождаемую песней органа, спокойно и безропотно заканчивая произведения литанией, в которой польские пилигримы выражают желание умереть в борьбе за свободу на поле битвы, обретя могилу на родной земле. Балческу воспевают красоты родины, ее историю, радости и страдания румынского народа в величавых тонах, которые возвышают и ужасают. Эта часть заканчивается маршем штурма за завоевание прав, похищенных у народа. Произведение, как героический марш, представляет нечто другое, чем *Księgi narodu polskiego*. Однако, если стиль произведений различный, то цели одни и те же: подготовка и призыв к борьбе и победе. Тот, кто читает оба произведения, находит их тождественными по чувству, вибрации и цели.

Как для Мицкевича, так и для Балческу, литература должна представлять интересы народа. Она должна воспевать и бороться за осуществление народных желаний. Во всех произведениях Мицкевича проявляется эта цель, и все произведения Балческу отвечают той же цели. На базе страдания и стремления создан шедевр. Жизнь этих двух великих писателей-революционеров была одинаковой: писали, боролись и закончили жизнь трагически на перекрестке дорог: Балческу в Палермо в 1852 году (имея всего лишь 33 года), Мицкевич в Константинополе в 1955 году. И один и другой угасли с горечью, с тоской в сердце по родине, к которой не было позволено им приблизиться. Их творения давно их воскресили и снова они возвращены в среду их народа, которому посвятили свой труд и жизнь.